

Дарообмен как нарратив и метафора

ТАТЬЯНА ШИШКИНА

Аспирантка, экономический факультет. E-mail: shishkinatianam@gmail.com.

МИХАИЛ ШИШКИН

Профессор, экономический факультет. E-mail: shishkinmprof@gmail.com.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Адрес: 191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 62.

Ключевые слова: риторика экономической науки; экономическая антропология; реципрокность; дарообмен.

Статья посвящена особенностям риторики экономической антропологии дарообмена и анализирует факторы, повлиявшие на ее формирование. Авторы рассматривают два основных направления в экономической антропологии реципрокности, сложившиеся под влиянием двух ее основоположников — Малиновского и Мосса, и анализируют характерные черты риторики каждого из них, а также задачи, на решение которых эта риторика была направлена. Показано, что в основе работ этих ученых и их последователей лежали два различных намерения: утвердить экономическую антропологию как позитивистскую научную дисциплину, с одной стороны, и использовать проведенный анализ архаических обществ для подкрепления критики капиталистического устройства общества — с другой.

Для достижения первой задачи активно привлекалась риторика, заимствованная из естественно-научных дисциплин, в частности био-

логии, и из экономической теории как социальной науки, также стремившейся к идеалам позитивизма. Второе направление обратилось к риторике политической экономии и использовало аргументацию, построенную на диалектическом противопоставлении товарообмена дарообмену. Наиболее яркое воплощение такой диалектической риторики встречается в работах Криса Грегори и Карла Поланьи, где дарообмен рассматривался как метафора утопической альтернативы капиталистическому товарообмену. Так как на риторику экономической антропологии с самого ее зарождения и до наших дней существенное влияние оказал язык общей экономической теории, то в статье проведено рассмотрение генезиса риторики экономической науки. Исследуется, как экономический язык первоначально находился под влиянием языка естественных наук, а затем стал заимствовать лексику психологии и, наконец, юриспруденции.

В СВОЕЙ книге «Риторика экономической науки» Дейдра Макклоски заметила, что «наука является образцом письма с намерением»¹. Именно интенциональность научного текста, на ее взгляд, отличает его от любого другого повествования, в особенности от художественного. Хотя написание его может быть не менее увлекательно, а чтение — не менее занимательно, чем создание и чтение романа, научный текст, по Макклоски, невозможен сам по себе, в вакууме; напротив, он всегда должен быть направлен на реализацию той или иной цели автора, его *намерения*. Здесь мы анализируем литературу по экономической антропологии дарообмена с точки зрения явного или скрытого намерения ее авторов. То есть задача данного текста — риторический анализ материалов по экономической антропологии реципрокности, а намерение — стремление проследить общие тенденции в экономической антропологии и экономической теории, связанные с пересекающимися интенциями исследователей в области этих дисциплин на протяжении последних столетий.

Еще с периода становления экономической антропологии в начале XX века в ней наметились две параллельные тенденции. Эксплицитной, открыто заявленной целью обеих был анализ реципрокности. Однако их имплицитные, скрытые цели различались. Функционалистская традиция, заявленная уже в первой работе по экономико-антропологическому анализу дарообмена — «Аргонавтах западной части Тихого океана» Бронислава Малиновского, — стремилась обосновать новую на тот момент дисциплину экономической антропологии в позитивистском поле «настоящих» наук. При этом всего через два года после выхода труда Малиновского был опубликован «Очерк о даре» Марселя Мосса, положивший начало второй школе в экономической антропологии XX века, имплицитно выражавшей критическое отношение к капиталистическому устройству западного общества и искавшей альтернативные пути организации экономической деятель-

1. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 7.

ности. Риторика этих двух направлений мысли рассматривается в первых двух частях статьи.

Наблюдавшиеся в экономической антропологии XX века тенденции риторического обоснования двух противоречивых «намерений» нельзя назвать оригинальными для социальных наук в целом, и во многом они повторяют тенденции, развивавшиеся в экономической теории на протяжении последних веков. Компаративистский анализ этих двух риторик — экономической и экономико-антропологической — представлен во второй половине данной статьи. Экономическая антропология, как более молодая дисциплина, развивавшаяся стремительнее, чем экономическая теория, позволяет по-новому взглянуть на роль риторики в обосновании ряда доводов классической, неоклассической и институциональной экономической мысли.

1. Малиновский и стремление утвердить экономическую антропологию в позитивистском дискурсе

Любое научное произведение можно рассмотреть в двух плоскостях. Во-первых, оно может быть прочитано с точки зрения научного содержания, и в этом смысле его форма уходит на второй план — пока высказанные в нем идеи ясны читателю, форма их выражения не имеет значения. Во-вторых, его можно прочесть как собственно литературное произведение, и в этом случае форма донесения идей становится не менее важной, чем их суть, а строгость доводов может оказаться не менее ценной, чем их убедительность. Риторический анализ применительно к работе «Аргонавты западной части Тихого океана» Бронислава Малиновского особенно интересен, поскольку она, в отличие от многих научных трудов в области социальных дисциплин, действительно может быть прочитана и как академическое исследование, и как художественное произведение в жанре путевых заметок. Как научный труд, данная книга в первую очередь решает задачу создания новой междисциплинарной области — экономической антропологии, а анализ круга обмена под названием кула носит вспомогательный характер, служит своего рода иллюстрацией возможностей этой новой области. Большая часть риторики Малиновского была направлена на решение именно этой задачи. При этом «Аргонавты» можно рассматривать и как художественное произведение, выстроенное с соблюдением основ композиции и рассказывающее историю о круге кула.

Перед Малиновским стояла не только научная, но и этическая задача — он стремился преодолеть сложившееся на тот момент пренебрежительное отношение к культуре архаических обществ, ввести ее изучение в поле научной мысли. Так, он отмечает:

...традиционное мнение о ленивом и беспечном туземце не только стало обычной присказкой среднего белого поселенца, но попадает и в хороших книгах о путешествиях и даже серьезных этнографических описаниях².

Или, например:

Насколько же далеко современная этнография отошла сегодня от ответа, который был некогда дан авторитетным человеком. На вопрос об обычаях и нравах туземцев он ответил: «Обычаев у них вообще нет, а нравы у них — животные!»³

В самом деле, еще во второй половине XX века уже экономист, а не антрополог Роберт Хайлбронер заявлял, что собственно предмет экономической науки — экономика — в архаических обществах отсутствует⁴. В антропологии, однако, Малиновскому удалось изменить такое пренебрежительное отношение, которое Карл Поляни позднее назовет этноцентризмом. Малиновский сконструировал в своей работе образ, используя терминологию Макклоски, «серьезного мыслителя», в самом начале выступив с обстоятельной критикой прежних антропологических исследований экономических институтов архаических обществ. Так, одним из источников «проблем» с научным позиционированием антропологических исследований экономических институтов до Малиновского было отсутствие или недостаточность полевых исследований. Ведущие антропологи XIX века, такие как Эдвард Тайлор, Льюис Морган и другие, в значительной мере были «кабинетными» исследователями, основывая свои теории на путевых заметках миссионеров и купцов, а также на исторических данных, полученных из сочинений Тацита и других древних историков. Малиновский отмечает два главных недостатка работ сво-

2. Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 170.

3. Там же. С. 29.

4. Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // Тезис. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1. С. 41.

их предшественников: нечеткость методологии и некорректность источников. Начнем с проблемы методологии.

Малиновского можно назвать отцом экономической антропологии именно потому, что он первым сформулировал четкий набор ее основных методов. Он отмечает, что в этнографии до него

... многие авторы давали весьма скупое представление о собственной методологии... [в их работах] представлены предельно общие выводы, но вовсе не указываются те конкретные опыты, благодаря которым авторы пришли к своим заключениям⁵.

Чтобы переломить эту тенденцию, Малиновский разработал собственную методологию, стоящую на трех китах: позитивный подход, эмпирический метод и максимально возможное разделение исследователя и исследуемого объекта. Исследователь истории антропологической мысли Купер выделяет также следующие элементы методологии Малиновского: контекстность, недоверие к устным источникам и стремление преодолеть предубежденное отношение к членам архаических сообществ⁶.

Наконец, сам Малиновский выделил три главных методологических принципа работы антрополога:

1. «Ставить научные цели и знать те цели и критерии, которыми руководствуется современный этнограф»⁷. Это стало ответом, с одной стороны, на разрозненность и неорганизованность заметок купцов и миссионеров, составлявших на тот момент основной массив данных по жизни архаических сообществ, а с другой — на нерепрезентативность работ кабинетных антропологов.
2. По возможности жить в исследуемом сообществе — Малиновский отмечает, что, сколь бы комфортными ни были условия на вилле какого-нибудь торговца неподалеку от исследуемой деревни, антропологу надлежит погрузиться в жизнь изучаемого сообщества и жить именно в нем, а не рядом, наведываясь с визитами несколько раз в неделю.
3. Использовать научные методы сбора и организации данных⁸.

5. Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. С. 22.

6. Kuper A. Anthropology and anthropologists. L.: Routhledge, 1996. P. 23.

7. Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. С. 25.

8. Там же. С. 25.

4. На современный взгляд эти рекомендации кажутся очевидными и даже избыточными. Однако на тот момент они стали прорывными и обеспечили возможности развития экономической антропологии реципрокности. Собственно, и предмет исследования — дарообмен — также получает обоснование в контексте предложенных методов. Так, Малиновский сосредоточился на материальных проявлениях культуры и на экономических отношениях как одних из наиболее точно поддающихся фиксации, стремясь преодолеть неточность устных данных и чужих замечок. Таким образом, ограничения возможностей разработанной им методологии в какой-то степени определили и предмет его исследования.

Второй проблемой, которую ему было необходимо решить, стала проблема источников, в частности неточности перевода и нерепрезентативности рассказов на *Pidgin-English*. Ответом на эту сложность стало опять же смещение фокуса на экономические отношения как проявления традиций и убеждений, а также материальные, овеществленные результаты таких верований. Кроме этого, Малиновский обратился к проблеме возмущающего влияния исследователя на среду, фактически выступив с теми же доводами о воздействии исследователя на «антропологический факт», с какими в рамках исторической науки того времени говорили о феномене «исторического факта».

Теперь, когда суть методологии Малиновского коротко обозначена, то есть показаны эксплицитные цели его исследования, обратимся к его намерению и к риторическим приемам, которые он использует для его реализации. Как было указано, Малиновский стремился поместить экономическую антропологию в дискурс позитивных наук, опираясь в первую очередь на эмпирический и функциональный подходы и на эволюционные метафоры. Ставя во главу эмпирический метод и подчеркивая необходимость минимизировать роль личности исследователя и предоставить фактам возможность самим говорить за себя, Малиновский вполне укладывался в общие рамки позитивистской традиции. Более того, одним из главных методов он предлагает считать индукцию и активно агитирует будущих исследователей прибегнуть к составлению синоптических таблиц. Он также не скупится на критику своих предшественников, отмечая, что

...ранние работы Бастиана, Тайлора, Моргана... продемонстрировали необходимость применения более глубоких концепций

и отказа от концепций слишком приблизительных и вводящих в заблуждение⁹.

Для обоснования своей позиции «серьезного мыслителя» (в терминологии Макклоски) Малиновский неоднократно ссылается на трудозатратность и сложность своего исследования, например: «Очерк института кула я писал по крайней мере раз шесть»¹⁰. Что любопытно, он одновременно подчеркнуто противопоставляет свои эмпирические исследования предыдущим кабинетным работам, основанным на любительских путевых заметках: «Нет необходимости добавлять, что в этом аспекте полевая работа ученого приносит более совершенные результаты, чем самые лучшие исследования любителей»¹¹. При этом в качестве формата обращения к читателю выбирает достаточно открытое, доступное и личное «мы» вместо квазибезличного «автор», «например» или вовсе отсутствующего обращения к читателю. Обращение «мы» в совокупности с обширными описаниями природы создает у читателя впечатление, что перед ним скорее научно-популярное произведение Тура Хейердала, чем строгая научная монография. Ощущение сходства усиливают богатые эпитеты в описаниях природы: «бронзовые скалы», «величественные зеленые горы» и т. д. Ощущение присутствия усиливается и от частых призывов к читателю, подобных этому: «Представьте себе, что вы вдруг со всем своим снаряжением остались одни на тропическом берегу»¹². Думается, такое художественное решение Малиновского оказалось очень удачным и стало одной из причин известности его работы, значительно популяризовавшей функционализм в британской антропологической традиции. Как отметил в 1992 году, спустя более полувека после выхода «Аргонатов», Иван Стренски, «мы еще и потому читаем работы Малиновского о мифах, что это просто увлекательно и приятно»¹³. Кроме того, такое открытое, личное обращение позволило сделать шаг вперед в преодолении снисходительного, предубежденного отношения к членам изучаемого племени, характерного для отстраненного стиля работ предыдущих исследователей.

9. Малиновский Б. Аргонаты западной части Тихого океана. С. 28.

10. Там же. С. 32.

11. Там же. С. 33.

12. Там же. С. 23.

13. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Академический проект, 2015. С. 13.

Наконец, третьим элементом риторики Малиновского, наравне со стремлением включить экономическую антропологию в позитивистский дискурс за счет использования эмпирических наблюдений и преодолеть этноцентризм, стало частое обращение к биологии как к источнику метафор для риторического подкрепления своих доводов. Необходимо отметить, что в целом это характерно для социальных наук конца XIX — начала XX века. Так, Малиновский сравнивает деятельность этнографа с исследованием зоолога. Как и зоолог, этнограф должен «активно охотиться, загонять добычу в ловушку и следовать за ней вплоть до самых недоступных убежищ»¹⁴. В рамках антропологии это также не было оригинальным: Тайлор сравнивал модели поведения, оставшиеся в практике настоящего, однако лишённые в нем рационального обоснования (как, например, пожатие рук при встрече), с «пережитками», своего рода формой культурного атавизма.

2. Анализ дарообмена как поиск альтернативы товарообмену

Если Малиновский пытался создать новую, подчеркнута позитивную научную дисциплину, то его современник Марсель Мосс преследовал совершенно иные цели. Их подходы во многом отличаются: если Малиновский одним из первых поставил во главе угла полевую работу, то Мосс стал одним из последних великих кабинетных антропологов. Чтобы наиболее четко и полно понять намерение Мосса и его последователей, необходимо коротко сказать о нем самом. Мосс был племянником Эмиля Дюркгейма, активно работал в его журнале *L'Année Sociologique* и в целом разделял его взгляды на развитие культуры. Карьере Мосса во многом определила Первая мировая война, унесшая жизни целого ряда его молодых коллег, в частности Роберта Герца. Мосс посвятил немалую долю научной карьеры доработке и изданию их трудов, что, несомненно, частично и обусловило кабинетный характер его собственной работы. «Очерк о даре»¹⁵ стал одной из немногих самостоятельных и определенно самой известной работой Мосса. В нем Мосс положил начало двум взаимосвязанным видам использования дарообмена как категории исследования. Надо заме-

14. Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. С. 27.

15. Мосс М. Опыт о даре: формы и причины обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Книжный дом Университет, 2011.

титель, что, в отличие от Малиновского, исследования дарообмена выступали для Мосса не целью, но средством как достижения научных целей, так и подкрепления его социально-философских доводов. Начнем с научной стороны вопроса: на взгляд Мосса, исследования дарообмена не только представляли ценность для антропологического изучения институтов архаического общества, но и позволяли узнать больше об институтах современного рыночного общества. При этом в рамках научного анализа дарообмен также широко рассматривался как нарратив, то есть как законченная связная история со своими законами развития сюжета и характерными персонажами.

Возможно, одним из наиболее известных нарративных описаний дарообмена является рассказ маори Тамати Ранацири, представленный Моссом в его очерке. Впоследствии к анализу этого отрывка обращались такие исследователи вопроса, как Маршалл Салинз и Дэвид Гребер, причем Салинз подверг перевод Мосса тщательному изучению с привлечением стороннего эксперта и вдумчивой критике. С точки зрения риторического анализа рассказ Тамати Ранацири в переложении Мосса также представляет интерес:

Я расскажу вам сейчас о хау... Хау — это не дующий ветер. Никим образом. Представьте себе, что вы обладаете определенным предметом (таонга) и даете мне этот предмет, даете без установленной платы. Мы не оформляем торговой сделки по этому поводу. Затем я даю этот предмет третьему лицу, которое по истечении некоторого времени решает вернуть нечто в виде платы (уту), он дарит мне какую-то вещь (таонга). Но та таонга, которую он дает мне, есть дух (хау) таонги, который я получил от вас и который я дал ему. Необходимо, чтобы я вернул вам таонги, полученные мною за эти таонги (полученные от вас). С моей стороны не будет справедливо (тика) держать эти таонги у себя, независимо от того, желательны (раве) они или неприятны (кино). Я должен дать их вам, так как они представляют собой хау таонги, которую вы мне дали. Если бы я оставил эту вторую таонгу себе, это могло бы причинить мне большое горе, даже смерть. Таково хау, хау личной собственности, хау таонги, хау леса. Кати эна (Довольно об этом)¹⁶.

Маккроски замечает, что «минимальная история» по Джеральду Принсу, или самая простая форма нарратива, может быть сведена к «трем соединенным между собой событиям. Первое и третье яв-

16. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. С. 143.

ляются состояниями, второе — активным действием»¹⁷. Является ли с этой точки зрения дарообмен нарративом? Определенно, при этом состояния участников дарообмена до и после — это «первое и третье события» по Принсу, а акт дарообмена — собственно активное действие. В приведенном выше отрывке первое состояние, положение до истории, описано предложением: «Представьте себе, что вы обладаете определенным предметом (таонга)». Затем происходит активное действие — предмет передают. Третьим событием, или положением после, является ситуация, в которой предмет перешел к новому владельцу. Однако, что характерно для большинства нарративов потоковой реципрокности¹⁸, структура данного нарратива такова, что третье событие не является окончательным, оно подразумевает нахождение в несбалансированном положении, в квазиконфликтной ситуации, требующей разрешения, — в рассказе выше это обозначено подчеркиванием необходимости возместить полученный дар, то есть начать новый нарратив. Если простая минимальная история подразумевает законченность, то дарообмен как нарратив в переложении Мосса подразумевает постоянную неоконченность. Впоследствии в рамках антропологии Грегори, позднее — Гребер и в рамках экономики — Поланьи отмечали, что как раз эта неоконченность является одним из характерных различий между дарообменом как по определению многошаговой потоковой транзакцией и товарообменом как транзакцией, которая не требует продолжения. На взгляд этих исследователей, подобное различие было связано и с характером социальных связей между участниками этих институтов — так, по их мнению, отношения переходили от дарообмена к товарообмену по мере увеличения дистанции родства, — и с намерением, стоящим за этими практиками. Если товарообмен осуществлялся с целью собственно обмена ценностями, то целью дарообмена, на их взгляд, было поддержание и укрепление социальных контактов, осуществлявшиеся опосредованно через дарообмен. То есть вновь дарообмен представал не как цель, но как средство для достижения сторонней цели.

Подобную структуру дарообмена как незаконченного, требующего продолжения нарратива можно найти не только у Мосса,

17. Макклоски Д. Риторика экономической науки. С. 19.

18. То есть, по Греберу, ситуации, когда каждый акт отдаривания открывает новый круг реципрокности, в котором даритель и получатель меняются ролями. См. подробнее: Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. N.Y.: Palgrave, 2001. P. 218.

а, например, в описании древнескандинавского дарообмена. Как представляется, одно из объяснений такой структуры нарратива о дарообмене может быть связано с гипотезой, впервые предложенной Моссом, а затем развитой Салинзом, о том, что дарообмен является своего рода сублимацией конфликтов в сообществе, переносит реализацию воинственности в мирное, социально приемлемое русло социально-экономических практик. В этом отношении дарообмен, как квазиконфликт, требует своего разрешения, подобно любому конфликту в нарративе, а потому обрыв нарратива на середине, на состоянии несбалансированности невозмещенного дара вызывает то же состояние эстетической неудовлетворенности, что и обрыв мелодии на середине.

Однако дарообмен в заложенной Моссом традиции представлял не только как нарратив, но и как метафора, и эта его функция в более поздних трудах, например у Грегори, Поланьи, Салинза и Гребера, постепенно вытеснила роль нарратива. Отношение Мосса к дарообмену не столько как к цели исследования, но как к средству легло в основу второго подхода в экономической антропологии, в рамках которого это понятие использовалось как метафора утопического устройства общества, зеркально противоположного капиталистическому. Возможно, наиболее полно эта идея была выражена в работе «Дары и товары» Криса Грегори, в которой он прямо противопоставил товарообмен и дарообмен¹⁹. При этом он постепенно переходит от достаточно научного рассмотрения вопроса к оперированию этически и эмоционально насыщенными категориями. Так, в начале он рассматривает схему социальной эволюции общества по Моссу, предполагающую переход от тотальных поставок к дарообмену, а от экономик дара — к товарным экономикам²⁰. Грегори интегрирует в эту схему идеи Поланьи, согласно которым дарообмен и товарообмен рассматриваются как последовательные этапы эволюции экономических институтов общества, основанной на постепенном переходе от отношений реципрокности при экономических контактах между членами одного сообщества к отношениям товарно-денежного обмена по мере увеличения дистанции родства. Необходимо заметить, что и в рамках экономической теории бартер и обмен дарами неизменно эволюционировали в товарные отношения, опосредованные деньгами (необходимо заметить, что бартер нельзя полностью при-

19. Gregory C. *Gifts and Commodities*. Chicago: Hau Books, 2015.

20. *Ibid.* P. 14.

равнивать к дарообмену, что отмечал, например, Гребер, однако в рамках данного обсуждения различия между ними и, в частности, место кредитных отношений в данной социальной эволюционной цепочке не влияют на суть проблемы). От эволюционного рассмотрения вопроса Моссом Грегори переходит к разбору позиций Салинза, у которого обмен дарами и обмен товарами представляли собой «две точки экстремума» — две гипертрофированные и гипотетические формы отношений, между которыми расположены реальные экономические практики, то есть, по замечанию Грегори, «континуум» экономических отношений²¹. Такая трактовка вопроса тоже отсылает к диалектике. В частности, дарообмен и товарообмен предстают двумя противоположностями, реализацией двух противоположных намерений — эгоистического стремления к извлечению прибыли (при товарообмене) и стремления оставаться частью сообщества (при дарообмене), из конфликта которых и рождаются реальные экономические практики.

Далее Грегори дополняет свои рассуждения этическим аспектом — экономики товара он рисует как порождения подчеркнуто холодного, обезличенного и жестокого капиталистического общества, в то время как экономики дара предстают у него в духе буколических пейзажей высокоморального, гуманистического и социально-ответственного общества²². Такая трактовка в рамках экономической антропологии не нова, уже Поланьи активно апеллирует к эмоциям читателей, отмечая, что голод отдельных членов общества является исключительно порождением капиталистических рыночных экономик и невозможен в социально-ответственных архаических обществах, основанных на принципах реципрокности и взаимной поддержки. Однако не нова и критика такой позиции. Разумеется, ряд исследователей, в частности Хайко Шрадер²³, отмечали, что, когда государственные и рыночные институты не справляются со своими задачами по обеспечению социальной поддержки населения, реципрокность может выполнять часть функций социального страхования — например, Шрадер обращается к случаю «черных касс» в постсоветской России, также часто приводятся в пример ситуации с социальными ожиданиями материальной поддерж-

21. *Gregory C. Gifts and Commodities*. P. 17.

22. *Ibid.* P. Lxii.

23. *Шрадер Х. Экономическая антропология*. СПб.: Петербургский востоковед, 1999. С. 137.

ки престарелых родителей со стороны детей (в связи с недостаточностью пенсионного обеспечения). Однако факты реципрокной поддержки не означают отсутствия эгоистических устремлений в жизни членов архаических обществ; более того, сам факт существования «чистых» экономик дара также требует доказательств, не приведенных Грегори и Поланьи. Так, например, Малиновский, описывая круг реципрокности кула, подчеркивает, что параллельно с институтом дарообмена имел место и обычный товарообмен — *гимвали*, а также что члены изучаемого им сообщества ни в коем случае не были лишены индивидуальных экономических устремлений²⁴. Как представляется, наиболее четко критику такой идеалистической позиции Грегори высказал Гребер, заметив, что

...безвозмездный дар — это абстракция, возникающая у исследователей современного рыночного общества как зеркальное отражение абсолютного эгоизма²⁵.

В этом смысле дарообмен используется Грегори как метафора некоего идеального устройства общества, лишённого всех недостатков капиталистической экономики.

Завершая разговор об использовании дарообмена как метафоры, необходимо сказать об одном из наиболее эмоциональных диалектических противопоставлений, предложенных Грегори в рамках его сравнительного анализа экономик товара и дара. Он попытался объединить концепцию отчуждения по Марксу и тезис Мосса о том, что в дарообмене «люди, в некотором смысле, ведут себя как вещи, а вещи — как люди»²⁶. Результатом этого стало диалектическое противопоставление персонификации вещей при дарообмене и деперсонификации людей при товарообмене. Как и в предыдущих случаях, Грегори берет концепцию, твердо связанную с эмоциональным восприятием капитализма в рамках марксистской традиции, — идею о том, что в процессе капиталистического производства работник разобщается с результатами своего труда и в этом смысле теряет часть себя. Этот тезис получил широкую популярность в экономической антропологии. В частности, он был активно использован не только Грегори, но и Гребером, который и вовсе предложил рассматривать работы Мосса в марксистском ключе как развитие его

24. Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. С. 115.

25. Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value. P. 155.

26. Gregory C. Gifts and Commodities. P. 39–40.

социалистических взглядов. Так, по Греберу, поскольку способность к интенциональному творческому труду — одно из отличий человека от животного, то лишение его возможности представлять себе результаты своего труда (очевидно, имеется в виду некое потоковое, конвейерное производство) как бы «обесчеловечивает» работника, деперсонифицирует его, что также укладывается в общую этическую парадигму негативного представления капиталистического общества как максимально унифицирующего и деперсонифицирующего работников во благо унификации производства²⁷. К этой концепции Грегори добавляет идею Мосса о том, что объекты товарообмена приобретают ряд «человеческих» черт — будь то «дух дара», отмеченный самим Моссом, или наделение таких объектов собственными именами и биографиями, что характерно для ваигу'а, описанных Малиновским, или даже сообщение им характеристик трансцендентных ценностей по Вейнер. Хотя ряд более поздних исследователей, в частности Салинз и Гребер, справедливо указывали, что Мосс преувеличил роль «духа дара» в реальных экономических практиках, сделал описываемую ему практику более экзотичной, чем она была на самом деле (как заметил Леви-Стросс в своем анализе работ своих предшественников, «ученые под пристрастием научной объективности пытались представить изучаемых людей более специфичными, чем они есть на самом деле»²⁸), противопоставление персонификации вещей/деперсонификации людей удачно ложится в риторическую канву повествования Грегори, где он пытается показать все недостатки капиталистического товарообмена. В этом смысле для целей повествования не имеет значения, действительно ли вещи персонифицируются при дарообмене, обретают личности и определенную долю интенциональности, — эта идея все так же остается лишь зеркальным отражением концепции отчуждения Маркса, как была зеркальным отражением капиталистического товарообмена утопическая мечта Грегори и Поланьи о высокоморальном мире дарообмена. В какой-то мере это передает неотрефлексированную тягу к мифу о первобытном рае, идеальном квазикоммунистическом мире дикарей, против которого активно выступал Малиновский, показавший, что этот миф родился не из реальных эмпирических наблюдений за жизнью архаических обществ, но из проектирова-

27. Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value*. P. 57.

28. Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 23.

ния неподкрепленных идей исследователей на плохо изученный материал. С другой стороны, в случае Грегори и Гребера нельзя говорить о ненамеренном заблуждении — напротив, концепцию диалектического противопоставления персонификации/деперсонификации необходимо рассматривать в контексте слов Макклоски о том, что «наука есть образец письма с намерением», и их намерением было показать недостатки существующего положения дел путем диалектического противопоставления с утопическим экономическим устройством. Интересно при этом, что, хотя они оба активно опирались на работы Маркса, его историческому материализму противопоставляется, в качестве утопического идеала, идеализм Канта, такой вид организации экономических отношений, при которых контакты между людьми выстроены согласно второй формуле его категорического императива и надлежит воспринимать людей не как средства для достижения цели, но как, собственно, цели.

3. Риторика экономической теории как одной из гносеологических основ экономической антропологии

Молодая отрасль науки — экономическая антропология — опиралась на достижения многих естественно-научных и социальных дисциплин; экономическая теория занимает место одного из главнейших ее гносеологических корней. Категориальный аппарат экономической теории широко используется антропологами. Многие экономические концепции стали отправной точкой (или с позитивной, или с критической позиции) для развития соответствующих антропологических концепций, в том числе концепции дарообмена. Поэтому совершенно естественно, что значительная часть лексикона экономической антропологии была заимствована у риторики экономической теории.

Язык любой науки формируется под воздействием общего уровня знаний в обществе, культуры, степени разработанности самой дисциплины, мироощущения ученого. Экономическая антропология рельефно отражает — и в проблематике, и в риторике — специфику XX века, когда многочисленные войны и социальные катаклизмы породили в людях неуверенность в завтрашнем дне, а гармоничное видение мира и оптимистичный взгляд на будущее человечества сменились ощущением нарастающего хаоса. В естественных науках последовательный взгляд на природу как полностью познаваемое явление сменился новыми теориями

(как теория относительности или квантовая механика), на первый взгляд противоречившими общепризнанной логике. В социально-экономических науках стала подвергаться сомнению незыблемая прежде концепция поступательного прогресса общества. На волне этих новаций родилась экономическая антропология с ее обостренным интересом к анализу ранних этапов развития человечества.

Экономическая теория начала формироваться значительно раньше антропологии. Даже если не принимать в расчет концепции меркантилизма, первая научная школа в экономической теории — классическая политическая экономия — появляется в XVII веке и получает адекватное развитие в трудах Адама Смита во второй половине XVIII века. Это была эпоха своеобразной научной революции, когда сформировались основные естественно-научные дисциплины, прежде всего физика и химия. Поэтому создатели классической школы считали экономическую науку «нормальной» естественной теорией. Подобное понимание ярко проявилось и в методологии исследования, и в языке науки, в формирующемся категориальном аппарате.

Представителям классической школы экономика виделась как гармоничная целостная система, управляемая объективными законами и развивающаяся в сторону увеличения богатства народов. Каждый человек в этой системе был рациональным эгоистом, который, преследуя своекорыстные цели, реализует общественный прогресс. Как отмечал Адам Смит, человек, не задумываясь об общественной пользе,

... невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения... Преследуя собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это.

Понятие невидимой руки — абсолютный слепок с категории объективного природного закона, который выступает как некий фатум для человека. Не случайно Гельвеций, к которому часто апеллировал Смит, сравнивал роль своекорыстного интереса в обществе с ролью закона всемирного тяготения в природе. Отличие здесь в одном. Если объективный физический (или химический) закон нельзя отменить ни при каких обстоятельствах, то в действие «невидимой руки» может вмешаться государство, ухудшая деятельность рациональных экономических субъектов. То общество, в котором объективный экономический закон реализуется

наиболее полно и последовательно, Смит назвал «естественным порядком»²⁹.

Еще более полно влияние естественных наук на экономическую риторику прослеживается в трудах основоположника классической школы Уильяма Петти. Даже в названиях работ Петти — «Политическая арифметика» и «Политическая анатомия Ирландии» — декларируется желание автора поставить экономику в один ряд с естественными науками. В своей методологии Петти также попытался свести экономическую теорию к физике и математике, выдвинув на первый план количественный анализ. Он отмечал, что «я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер»³⁰. Это помогло Петти создать основы не только политической экономии, но и статистики.

Подобный естественно-научный подход был характерен для всех классиков политической экономии. Завершитель этого этапа политической экономии Джон Стюарт Милль, не только экономист, но и философ, увлекавшийся методологическими проблемами, подразделял все экономические законы на две части — законы производства и законы распределения. Законы производства объективны, они определяются техническими условиями производства, и человек не может их изменить.

Законы распределения, напротив, являются результатом человеческих решений и поэтому могут быть изменены даже в условиях частной собственности³¹.

Влияние естественно-научной риторики на экономическую теорию продолжалось и за пределами классической школы. Ее можно встретить и у Карла Маркса, и в ранних неоклассических работах. Так, предтеча неоклассики Жан-Батист Сэй сформулировал свой закон, который в самой простой формулировке гласит: «Продукты уплачиваются за продукты». Еще более упрощенная формулировка — «Доходы одних есть расходы других»³². По сути, это закон сохранения материи, примененный к экономической сфере.

Сильнейшее влияние естественно-научного подхода на экономическую теорию прослеживается в многочисленных попыт-

29. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 332.

30. Петти В. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940. С. 156.

31. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 165.

32. Там же. С. 136.

ках математизировать последнюю. Действительно, для естественных наук математика является универсальным методом познания и одновременно языком изложения теории. Математические модели издавна использовались в физике, астрономии, позднее в химии и биологии. Элементы математического подхода присутствуют даже в таких гуманитарных дисциплинах, как история (клиометрика) и филология (математическая лингвистика). С этой точки зрения вполне закономерно, что и экономическая теория пыталась приобрести математический язык. Первые шаги к этому сделаны в работах французского математика Антуана Курно. Анализируя теорию богатства, он попытался придать ей новый математический язык. Он отмечал, что для

...мыслящих людей... очевидна необходимость с помощью известных им символов сделать определенным и точным тот анализ, который является обычно неопределенным и часто темным у авторов, считающих достаточным ограничиваться возможностями обычного языка³³.

Однако в первой половине XIX века научное сообщество было не готово перейти на новый язык общения. Работы Курно подверглись критике в экономической литературе, а автор получил репутацию чудака.

Гораздо большую известность и определенное признание получили разработки Леона Вальраса, создавшего математическую школу в политической экономии. Именно с его помощью

...экономика впервые стала наукой, которая изучает взаимосвязь между данными целями и данными ограниченными средствами, имеющими альтернативные возможности использования³⁴.

Как и другие неоклассики, Вальрас исходил из идеи естественного порядка, который совершенствуется во времени. Организующей силой этого прогресса выступает экономический человек Адама Смита; всякое государственное вмешательство нежелательно, так как подрывает этот естественный порядок. На поверхности экономической жизнь предстает как хаотичное анархическое явление, но на самом деле за этой видимостью скрывается порядок³⁵. В ста-

33. Аникин В. Юность науки. М.: Политиздат, 1975. С. 316.

34. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. 276.

35. Цит. по: Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1966. С. 236.

тическом обществе этот порядок выражается в общем экономическом равновесии, когда все рынки в экономике сбалансированы.

В качестве главного метода исследования Вальрас рассматривал математический метод.

Он считал, что, так как экономический закон не может быть достаточно точно выражен обычным языком, применение математики становится условием *sine qua non* (непременным) экономической науки³⁶.

Поэтому свою главную теорию — общего экономического равновесия — Вальрас изложил в виде математической модели. С его легкой руки математика все больше стала применяться экономистами-неоклассиками, а затем и сторонниками альтернативных подходов (например, кейнсианского).

Математика — универсальный язык для многих наук (по крайней мере для тех, которые изучают количественные взаимосвязи между явлениями). Однако реализация математического метода в экономической теории натолкнулась на ряд преград. Во-первых, в отличие от ряда естественных наук, экономическая теория сравнительно молода — появилась лишь в середине XVII века, в то время как физика или химия уходит корнями в глубокую древность. Экономисты находятся на более ранней стадии познания мира. Во-вторых, объект исследования, экономическая жизнь людей, гораздо хуже поддается формализации, чем законы окружающей человека природы. На экономику влияют факторы из совершенно других областей (например, политики, психологии или климатических явлений). В-третьих, долгое время, вплоть до середины XX столетия, экономическая теория не располагала адекватным математическим аппаратом, используя методы, разработанные для физики (например, систему дифференциального исчисления). Но они плохо подходили для экономики, в которой практически нет гладких функций, которые могли бы быть дифференцированы. Только в середине прошлого века появились такие разделы математики, как линейное программирование или теория игр, более подходящие для экономического анализа. Поэтому долгие годы математические модели, построенные экономистами, базировались на крайне упрощенных предположениях, что вызывало протест у многих ученых, справедливо называвших этот подход «экономикой классной доски», то есть

36. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. С. 238.

абстрактной и примитивной схемой. Это стало одной из причин создания альтернативных экономических теорий (например, экономики постмодерна).

В 1870-е годы в экономической теории созрело представление, что нельзя полностью отождествлять экономическую сферу с природными явлениями. В отличие от природы, где господствует объективный закон, на экономическую жизнь существенное влияние оказывает человек со своим субъективным пониманием мира. Поэтому в теорию была введена психология людей, что существенно сказалось и на логике изложения, и на языке науки.

Первоначально психологизм появился в маржиналистских теориях Карла Менгера, Уильяма Джевонса, Леона Вальраса, создавших теорию предельной полезности. В этой теории исходным пунктом стали человеческие потребности, представляющие собой разновидность неудовлетворенных желаний³⁷. Они удовлетворяются с помощью потребления благ, обладающих полезностью. Именно полезность стала основной категорией анализа экономики. Внутри самой школы маржинализма шла дискуссия о том, является ли полезность объективным свойством блага или отражает субъективное восприятие индивидуума. Спорили также о том, можно ли количественно измерить полезность (кардиналистский подход) или ее можно только ранжировать (ординализм).

Маржиналистская теория (по крайней мере теория предельной полезности) свела экономический анализ к потребительскому выбору, в основе которого лежала максимизация полезности. Психология индивидуума в этой теории рассматривалась исключительно в гедонистическом ключе. Подобный подход вызвал справедливую критику со стороны альтернативных течений экономической мысли, наиболее перспективную — со стороны институционального направления.

Именно институционализм стал непосредственным предшественником экономической антропологии. С точки зрения психологии институционалисты (в особенности Торстейн Веблен) стали более широко рассматривать личность человека, исследуя не один, а несколько психологических инстинктов индивидуума. Так, Веблен исследует шесть разнообразных инстинктов, составляющих институт человека. Кроме этого, следует указать еще

37. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: сб. / Предисл., комм. и сост. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1992. С. 15.

на два момента, характерных для институционализма и ставших важной отправной точкой для экономической антропологии.

Во-первых, институционалисты отказались от идеи гармонического развития цивилизации. У Веблена общественный прогресс приводит к ухудшению качества человеческой морали и нравственности. «Золотой век» человечества Веблен и многие другие институционалисты, следуя Платону, видели не в будущем, а в прошлом. Поэтому у них возникал повышенный интерес к архаическим стадиям развития человечества, нашедший развитие в экономической антропологии. Во-вторых, институциональная теория, в особенности на раннем этапе своего развития, чрезвычайно расширила предмет экономической теории. В него были включены вопросы философии, истории, социологии и, что очень важно, юриспруденции. Общество рассматривалось в его неразрывном единстве. Это сильно повлияло на формирующуюся антропологию, в риторику которой устойчиво вошли юридические термины.

Таким образом, язык современной экономической антропологии сформировался под влиянием функционалистского подхода Малиновского и нормативной концепции Мосса, а также риторики различных направлений экономической теории.

Библиография

- Аникин В. Юность науки. М.: Политиздат, 1975.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
- Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008.
- Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Академический проект, 2015.
- Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии / Предисл., комм. и сост. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1992.
- Мосс М. Опыт о даре: формы и причины обмена в архаических обществах // Он же. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Книжный дом Университет, 2011.
- Петти В. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940.
- Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.
- Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1966.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.

- Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // Тезис. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1. С. 41–55.
- Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургский востоковед, 1999.
- Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. N.Y.: Palgrave, 2001.
- Gregory C. Gifts and Commodities. Chicago: Hau Books, 2015.
- Kuper A. Anthropology and Anthropologists. L.: Routledge, 1996.

GIFT-EXCHANGE AS NARRATIVE AND METAPHOR

TATIANA SHISHKINA. Postgraduate Student, Faculty of Economics, shishkinatati-anam@gmail.com.

MIKHAIL SHISHKIN. Professor, Faculty of Economics, shishkinmprof@gmail.com. St. Petersburg State University (SPbU), 62 Tchaikovskogo str., 191194 St. Petersburg, Russia.

Keywords: rhetoric of economic science; economic anthropology; reciprocity; gift exchange.

The article deals with characteristic features of economic anthropology's rhetoric of reciprocity and analyzes the factors that affected its formation. The authors consider two principal interpretations of reciprocity in economic anthropology that were formed under the influence of its two main founders — Malinowski and Mauss. The characteristic features of their two types of rhetoric are discussed together with the purposes for which they were used. Two different intentions were pivotal for the work of these researchers and their followers: first, to establish economic anthropology as a positivistic science; and second, to use the analysis of archaic societies as evidence for their critique of a capitalistic economy.

To achieve the first task they actively used rhetoric borrowed from the natural sciences, and especially from biology as well as from economic theories that were another social science also striving for a more rigorous positivism. For the second task they turned to the rhetoric of political economy and used arguments based on a dialectical opposition between commodity exchange and gift exchange. The most prominent example of such dialectical rhetoric is in the works of Chris Gregory and Karl Polanyi in which gift exchange was interpreted as a metaphor for a utopian alternative to capitalistic commodity exchange. Because the rhetoric of economic anthropology from its inception to the present has been profoundly influenced by the language of general economic theory, the article examines the genesis of the rhetoric of economics as a science. This leads to an analysis of how the language of economics was affected by the rhetoric of the natural sciences, then of psychology and finally of law.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-229-250

References

- Anikin V. *Iunost' nauki* [Youth of Science], Moscow, Politizdat, 1975.
- Blaug M. *Ekonomicheskaja mys' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect], Moscow, Delo, 1994.
- Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*, New York, Palgrave, 2001.
- Gregory C. *Gifts and Commodities*, Chicago, Hau Books, 2015.
- Heilbroner R. *Ekonomicheskaja teoriia kak universal'naja nauka* [Economic Theory as a Universal Science]. *Tezis. Teoriia i istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [Thesis. Theory and History of Economic and Social Institutions], 1993, iss. 1, pp. 41–55.
- Kuper A. *Anthropology and Anthropologists*, London, Routledge, 1996.
- Levi-Strauss C. *Totemizm segodnia. Nepriruchennaia mys'* [Le Totémisme aujourd'hui], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.

- Malinowski B. *Argonavty zapadnoi chasti Tikhogo okeana* [Argonauts of the Western Pacific], Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015.
- Malinowski B. *Magiia, nauka i religiia* [Magic, Science and Religion], Moscow, Akademicheskii proekt, 2015.
- McCloskey D. *Ritorika ekonomicheskoi nauki* [The Rhetoric of Economics], Moscow, Gaidar Institute Press, 2015.
- Menger K. *Osnovaniia politicheskoi ekonomii* [Grounds of Political Economy]. *Avstriiskaia shkola v politicheskoi ekonomii* [Austrian School in Political Economy] (ed. V.S. Avtonomov), Moscow, Ekonomika, 1992.
- Moss M. *Opyt o dare: formy i prichiny obmena v arkhaiskikh obshchestvakh* [Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques]. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Person. Works in Social Anthropology], Moscow, Knizhnyi dom Universitet, 2011.
- Petty W. *Ekonomicheskie i statisticheskie raboty* [Economic and Statistical Works], Moscow, Sotsekgiz, 1940.
- Sahlins M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics], Moscow, OGI, 1999.
- Schrader H. *Ekonomicheskaia antropologiia* [Economic Anthropology], Saint Petersburg, Peterburgskii vostokoved, 1999.
- Seligman B. *Osnovnye techeniia sovremennoi ekonomicheskoi mysli* [Main Currents in Modern Economics], Moscow, Progress, 1966.
- Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations], Moscow, Sotsekgiz, 1962.